

УДК 821.161.1–1

DOI: 10.17223/19986645/50/11

В.Н. Горенинцева, А.Н. Губайдуллина

**НОВАЯ МОДЕЛЬ «ЗНАЧИМОГО ВЗРОСЛОГО»
ВО ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ПОДРОСТКОВ)¹**

В статье рассматривается внутрисемейная модель «значимого взрослого»: художественные образы родителей, дедушек и бабушек в прозе для подростков. Выявляются условия со-бытия взрослого героя и ребёнка. Обнаруживается отсутствие «идеального взрослого» в современном тексте, уникальная автономия героя-протагониста, что отражает принципиально новую модель детско-родительских отношений в современной детской литературе.

Ключевые слова: значимый взрослый, значимый другой, детская литература, литература для подростков, современная проза, образ отца, образ матери, внутрисемейные отношения.

Тема взаимодействия двух миров – взрослого и детского – представляется одной из ведущих, особенно когда речь идет о детской литературе, которая наряду с развлекательной и эстетической реализует и воспитательную функцию. Как пишет Ю. Семидзу, тексты детской литературы отличаются от текстов общей литературы, поскольку авторы, пишущие для детей, знают об ответственности за создание произведений, которые потенциально влияют на детей, и пишут с намерением предложить детям-читателям литературные произведения, из которых те могут получить реальный опыт [1. С. 23]. Детская литература транслирует наиболее востребованные в обществе социальные модели и базовые ценности, в связи с чем, в особенности в контексте того, что Н. Постман называет «исчезающим детством» [2. С. 192], актуальным представляется исследование современных интерпретаций образа значимого взрослого, в которых детская литература, с одной стороны, отражает реальность, а с другой – конструирует ее. Обращение к образу значимого взрослого в данной статье позволит дополнить представление о художественной концепции детства в русской литературе, универсальные черты которой проявляются как в текстах для детей, так и в текстах для взрослых.

На протяжении всей истории человечества реальное содержание понятий «ребенок» и «взрослый» и их образы в произведениях литературы многократно трансформировались. Так, в русской детской литературе на протяжении почти всего прошлого столетия взрослый оставался персоной корректирующей, непогрешимой и имеющей право на резюмирующую позицию. Ме-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) в рамках научного проекта № 17-03-00528 «Семейное чтение как помогающая практика в условиях социально-культурных трансформаций».

жду взрослыми и детьми существовал негласный социальный контракт, согласно которому взрослые являлись для детей воплощением мудрости и обладали презумпцией неоспоримости авторитета [3. С. 330]. Идея взрослости как завершенности изначально обеспечивала родителю, учителю, любому старшему человеку доминантную позицию. Безусловно, советская детская литература допускала и негативные образы взрослых, но они воспринимались, скорее, как отклонение от нормы, а ребёнок мог рассчитывать на поддержку общества [4. Т. 1. С. 60]. Однако изменение модели общества в постсоветской действительности привело к переосмыслению детско-родительских отношений. Роль семьи в детской литературе конца XX – начала XXI в., как в русской, так и в западной, уже не столь однозначна. Так, З. Шавит, разделяя современную литературу для детей на «каноническую» и «неканоническую», отмечает, что в текстах последнего типа родителям практически не уделяется внимания [5. С. 24]. Наравне с моделью семьи в целом подвергаются переосмыслению и устойчивые роли каждого из её членов. Образы матери или отца часто опровергают традиционные представления о родителях, которые должны воспитывать ребёнка с самого рождения, заботиться о его материальном и духовном благополучии [6. С. 201]. В литературе обнаруживаются совершенно другие модели взаимодействия детей и взрослых: поскольку детские персонажи стремятся вписаться в действительность, какой бы несовершенной она ни была, изменяется и статус взрослого – он изображается таким, каким ребенок может увидеть его в реальной жизни, «оживает», обретает плоть и наделяется характеристиками, зачастую далекими от традиционного представления о надёжном и положительном защитнике. По наблюдению Дж.Р. Таунсенд, одной из самых заметных характеристик детских романов последних десятилетий является наличие родителей, которые «быстро катятся по наклонной», становясь основной проблемой в жизни ребенка-протагониста [3. С. 332].

Большинство зарубежных исследований, рассматривающих те или иные аспекты художественного воплощения мира детей и взрослых в детской литературе, имеют междисциплинарный характер и выполнены на стыке литературоведения с психологией, социологией, философией, педагогикой, культурологией [1–3, 17]. В отечественном литературоведении обращение к образу детства, а следовательно, и к роли взрослых в жизни новых поколений, осуществлялось как в трудах по детской литературе (И.Н. Арзамасцева [7]; М.А. Литовская [8]; Е.К. Тиновицкая [9]), так и на материале классических произведений для взрослых (Н.А. Дворяшина [10], Н.Б. Иванова [11], Л.Н. Савина [12] и др.). Однако предметом специального рассмотрения образ значимого взрослого в детской литературе до сих пор не становился.

Нам представляется, что современная проза для подростков проявляет принципиально новый тип детско-родительских отношений, не коррелирующий с устойчивыми, наработанными литературой известными моделями, к которым можно отнести, например, традиции европейского «романа воспитания»; модели «счастливого детства» и «украденного детства», характерные для русской литературы XIX в. [13. С. 8], или образа «проблемного детства» в прозе XX в. [14. С. 57]. Данное исследование имеет междисциплинарный характер и выполнено на стыке литературоведения и комплекса социогума-

нитарных наук (психологии, социологии, педагогики). Доминирующими методами исследования являются компаративистика и социологический подход. Работа ставит своей целью комплексное описание художественного воплощения актуальных моделей значимого взрослого в его внутрисемейных отношениях, конструируемого в отечественной детской прозе, и предполагает поиск ответа на ряд вопросов, а именно: что включается в содержание образа «значимого взрослого» в современной российской детской литературе; могут ли родители или близкие родственники (взрослые члены семьи) быть значимыми для героя-подростка; при каких условиях родители, бабушки, старшие братья и сестры становятся значимыми для ребенка.

Ключевым в настоящем исследовании является понятие «значимого взрослого», которое рассматривается как частный случай понятия «значимый другой» (Significant Other), введенного американским социологом Г.С. Салливаном в рамках интерперсональной теории. Под «значимым другим» Г. Салливан понимает человека, мнение которого ценно для индивида с точки зрения влияния на поведение последнего, развитие его личности и выбор ценностных ориентаций [15. С. 165].

Среди концептуальных для данного исследования следует выделить исследования российских психологов А.В. Петровского, В.И. Слободчикова и А.В. Шувалова. А.В. Петровский предлагает трехфакторную модель репрезентации личности «значимого другого», включающую в себя такие компоненты, как референтность (признание за другим индивидом права принимать значимые решения), аттракция (сильные чувства, возникающие в отношении другого человека) и власть (здесь, статус, место в иерархии), комбинирование которых порождает разные типы «значимого другого» [16. С. 8]. В основе классификации В.И. Слободчикова и А.В. Шувалова лежат две существенные характеристики конкретного взрослого человека, которые наиболее полно отражают его статус в жизненном мире ребенка: показатели кровного родства («родной – чужой») и духовной близости («близкий – чуждый») [17. С. 97]. Поскольку мера кровного родства с самого начала задана и неизменна, подлинные отношения и подлинная близость ребенка и взрослого определяются по духовной линии. Кровные родители являются родными, но при этом могут быть и чуждыми ему, в то время как чужие по крови взрослые могут стать для ребенка подлинно близкими.

Мы будем рассматривать взаимодействие компонентов трёхфакторной модели А.В. Петровского как актуальных составляющих художественного воплощения современной модели значимого взрослого во внутрисемейных отношениях и попытаемся ответить на вопрос о преобладающем векторе взаимодействия ребенка со значимым взрослым в диапазоне от полной сопричастности мыслям, чувствам, знаниям, ценностям другого до обособления, а иногда даже и абсолютного неприятия взрослого как ролевой модели. Для изучения отобраны современные российские книги для детей, вошедшие в шорт-листы литературного конкурса «Книгуру», одного из наиболее авторитетных ежегодных российских конкурсов детской книги, который проводится с целью поиска и поощрения авторов произведений, отражающих актуальные реалии современной жизни и дающих представление о многообразии жизненных сценариев [18]. На первом этапе конкурса произведения оценива-

ет профессиональное экспертное жюри, состоящее из критиков, детских писателей, филологов, библиотекарей. На втором этапе специально созданное детское жюри выбирает победителя из 15 позиций шорт-листа. Присутствие в жюри одновременно взрослой и детской точки зрения является важным в силу ряда причин.

Во-первых, это связано с очевидной двойной адресацией большинства конкурсных произведений. По мнению П. Ханта, двойная адресация – это самая характерная черта детской художественной литературы современности: теоретически и практически невозможно создать книгу, адресованную только детям, потому что в последние десятилетия двадцатого века были разрушены границы между детской и взрослой аудиторией [19. С. 14]. Детскую аудиторию нельзя рассматривать как отдельную, изолированную от взрослой. Для детских книг характерны две точки зрения: ребенка и взрослого, в связи с чем в каждой книге для детей существует латентный, «скрытый» текст для более зрелых читателей (вторичная адресация), который может передавать сообщения или идеи, недоступные или не в полной мере доступные читателю первичному, ребенку. Таким образом, очевидно, что детский писатель предусматривает в книге не только историю для детей, но и послание для взрослых, показывая различные паттерны взрослого поведения.

Во-вторых, важным представляется само участие детей в отборе и оценивании детских произведений. Не секрет, что во многих случаях именно взрослый выбирает литературу для детского чтения: родители покупают книги детям по своему усмотрению; издательства продвигают ту или иную литературу в зависимости от своих коммерческих интересов; взрослые классифицируют книги по возрастной принадлежности и т.д. Ребёнок встречается не с той книгой, которую, возможно, предпочёл бы прочитать, а с той, которая ему доступна благодаря взрослым. Включение (хотя бы частичное) детей в жюри литературного конкурса показывает, насколько наши, «взрослые» представления о детях и детстве совпадают или не совпадают с тем, как дети видят себя и нас. Всего было проанализировано около 35 текстов 2014–2016 гг., предназначенных для детей от 10 до 15 лет.

Анализ вышеозначенных произведений демонстрирует, что традиционная модель родителя как значимого взрослого в современной литературе для детей и подростков претерпевает ряд трансформаций. Во-первых, в отличие от канонических ролевых моделей «матери» и «отца», в современной литературе для детей можно наблюдать, что отец и мать реализуют образ универсального родителя: их семейные роли практически лишены традиционных гендерных полномочий. Так, образ отца больше не ограничен функциями кормильца и дисциплинатора семьи. Его роль сближается с материнской в эмпатии к ребенку и умении обеспечивать бытовую и бытийный комфорт. Например, отец в повести «Крупная кость, или Моя борьба» Е. Соковениной готовит дочери и обсуждает с ней диету¹ [20]. Папа из рассказа Т. Рик «Чур, Володька – мой жених» вместе с мамой шьет дочери пальто [21]. Более того,

---

¹ Поскольку большая часть анализируемых произведений написана авторами недавно и ещё не появилась в печатном варианте, ссылки даются на электронные версии этих произведений на конкурсном сайте «Книгуру»

традиционный статус власти отца заметно редуцирован; патриархального доминирования главы семьи нет, а образ авторитетного отца практически не встречается в анализируемой литературе. Чаще отец предстает ведомым, нежели ведущим, как, к примеру, в повести Е. Владимировой «Я тебя никогда не прошу», где дети видят в отце нелепого, безвольного человека, во всем подчиняющегося матери: «Мама у нас принципиальный противник карманных денег, а папа – принципиальный сторонник мамы» [22]. Подобное отсутствие жизненной позиции порождает пренебрежительно-снисходительное отношение к отцу со стороны собственных детей, проявляющееся на уровне текста в иронично-пренебрежительных именовании «любимый родитель» или «папашка». Трусливый отец, несомненно сочувствуя детям и переживая за них, настолько привык к подчинению, что не может защитить не только детей, но и себя:

Я взглянул на отца. Тот не успел отвести взгляд, забегал глазами, закашлялся.

– Гена, но он ведь всё осознал! Нельзя ли без этого?

– Нельзя. Каждый должен отвечать за свои поступки. Это и тебе не худо бы запомнить, Пётр!

– Гена, стой!

Голос отца прозвучал непривычно твёрдо. Я замер. Скажи ему, ну скажи! Скажи им всем! Отец сморгнул.

– Он ещё ребёнок, Гена. Не забудь [22].

Образ матери в подростковой литературе является более устойчивым, в отличие от образа отца, который можно назвать «мерцающим» или «исчезающим» (текстов, в которых представлена полная семья, количественно меньше, чем историй с матерью-одиночкой). По сюжету мать чаще, чем отец, становится главным «влиятелем» в жизни ребенка. Однако и образ матери противоречив. Мать, в образе которой значительно преобладает статус власти, предстает равнодушной, злой, истеричной и жесткой, бесконечно далекой от традиционного образа «значимого взрослого», в результате чего функцию значимого взрослого во внутрисемейных отношениях берет на себя ребенок-протагонист. Так, в повести Е. Владимировой подростки Тимофей и Нюта фактически выполняют все родительские функции по отношению к младшим братьям: занимаются их воспитанием, готовят и убирают, покупают еду, отводят в детский сад и рассказывают сказки на ночь. Четырнадцатилетняя отличница Нюта «зарабатывает как может» переводом и копирайтингом и тратит заработанное на еду для семьи, которую сама же и готовит. Задача поставить на ноги младших братьев – единственное, что удерживает в семье Тимофея: «Я бы уже сейчас свалил, ну и что, что школа. <...> Словом, я бы ушёл и не оглянулся, если бы не Стёпка с Пашкой. Пусть хотя бы чуток подрастут» [22]. Мать в современной подростковой литературе нередко предстает носителем двойной морали: доверие пропагандируется на словах, а ситуативно мама не готова принять доверившегося ей ребёнка, как, например, в повести «Открытые окна» И. Понорницкой, где героиня не верит в то, что мама способна ее понять: «Хотя мама сколько раз нам говорила: в семье каж-

дый может поделиться своими переживаниями или своей радостью... Но только попробуйте сказать: “Мама, у меня за контрольную трояк. Знаешь, я так переживаю!” Увидите, что будет”» [23].

Другая тенденция в репрезентации материнского образа в современной подростковой литературе заключается в его «омоложении», вследствие чего нарушается иерархия семейных ролей. Мать не только не способна предъявлять требования, она нуждается в организации собственной жизни извне. Типичный образ инфантильной матери представлен в повести А. Ляховича «Черти лысые»:

В комнату заглянула мама, сонная вся, мятая, как салфетка. Это не потому, что ей плохо или еще что, просто она всегда такая, как проснется и не красится.

– Ты мой лифчик не видел?

– Видел. Погоди...

Я черкнул Милане – «отойду, надо мамой заняться», – и говорю:

– На холодильнике был, так я его взял сюда, чтобы не потерялся совсем.

На [24].

Вместе с разрушением семьи утрачивается большая часть родительского авторитета. Мать, да и отец, нуждаются в заботе более, чем сын или дочь. Происходит инверсия социальных ролей: теперь ребёнок по отношению к матери (чаще, чем к отцу) выполняет роль значимого взрослого. На текстовом уровне это закрепляется, например, уменьшительно-ласкательным суффиксом в обращении, используемом традиционно не в отношении родителей, а в отношении детей: «Ирочка Слунс, мама Рино, она же журналистка» (Ая эН. «Абсолютно необитаемые») [25]. В другом тексте мама получает от ребёнка домашнее прозвище «мой мам», маркирующее сокращение возрастной дистанции (Л. Романовская «Удалить эту запись?») [26]. Парадоксальным образом такая инфантилизация не мешает духовной близости, а, наоборот, усиливает её. Отношения с мамой строятся на взаимном сочувствии, на взаимной иронии, т.е. как отношения в целом равных личностей. Сокращение дистанции нередко становится залогом успешного взаимодействия тандема «родитель – ребенок»: «Географичке я вдруг наврала, что мама моя сестра. <...> Так интересно врала, что сама жалела, что мама мне не сестра» («Удалить эту запись?») [26]. Переключение мамы с поведенческой модели «мама = подруга» и «мама = сестра» на традиционную модель «мама = мама» встречает недоуменный и даже отрицательный отклик у дочери; смена модели воспринимается как отклонение от нормы: это очередной «загон», «компьютерный вирус», который поселился в маме, в результате чего она становится похожей на «машинку на сбрендившем радиоуправлении» или анекдотический персонаж, готовый «отморозить какую-нибудь чухню» [26].

Итак, выявляются два устойчивых типа отношений «родитель – ребёнок». В первом случае родитель, удерживающий компонент власти (по А. Петровскому), утрачивает аттрактивность и приобретает отрицательный имидж в глазах ребёнка: сын или дочь изменяются из-за конфронтации со взрослым, стараются как можно меньше походить на него. В другом варианте родитель

остаётся близким и привлекательным (аттракция), но теряет свою, более статусную, позицию в семейной иерархии, т.е. лишается компонентов «власти» и «авторитетности». В семье сохраняются отношения дружбы, но родитель не может настаивать на выполнении своих требований.

В условиях несамостоятельности или отсутствия родителей конституирующую роль могут брать на себя «старшие родители»: дедушки и бабушки. Однако, как показывает анализ, и они не могут обеспечить статус власти. Характерно, что роль «значимого взрослого» они могут обрести, главным образом, в том случае, когда совмещают жизненный опыт с юношеским нонконформизмом и азартом, т.е. опять же омолаживаются, сближаются с детьми. В повести С. Лавровой «Год свирепого цыплёнка» сопоставляются два образа бабушек. Одна, по прозвищу «Маркиза» (данному внуком), – эмансипированная дама, курящая, увлечённая палеонтологией, принимающая подростков такими, какие они есть. Именно благодаря принятию другого ей удаётся увлечь палеонтологией юного бандита, повлиять на его исправление:

– Э-э-э... нормальные бабки в сумках кошельки носят, – упрекнул Маркизу вор, откусывая плюшку. – С пенсией.

– Дитя моё, а кто сказал, что я нормальная? – нежно укорила его Маркиза. – Кошелёк – фу, какая банальность. <...> Старухи все скучные, реагируют предсказуемо, орут похоже. Тоска зелёная, – пожалала плечами Маркиза. – Давайте-ка лучше к нам в экспедицию. Как степь просохнет, поедем в Оренбургский край, там что-то интересное нашли, чуть ли не динозавров [27].

Вторая бабушка, Ира, изображена более традиционно: она много готовит, трудится на даче и стремится перевоспитать внука, развить в нём мужские качества: «Баба Ира Ванечку, конечно, любила. Но она всё время хотела его как-то улучшить: сделать толстым, румяным, громкоголосым, общительным. Она сокрушалась, что внук пошёл в стройного немногословного отца и не похож на её сыновей – маминых братьев» [27]. Внук относится к этой бабушке снисходительно, избегает её влияния.

Чем дальше старшее поколение от консервативного образа «бабушки» и «дедушки», тем больше шансов, что отношения будут приняты внуками. Если дед или бабушка не причастны к юности, то значимыми они могут стать в том случае, если их образы связываются с каким-то особенным для героя временем: давно забытым, «секретным» прошлым, которое не помнит никто, кроме стариков (М. Тобоева «Тайна лесной поляны» [28]), мнимым, сказочным временем, которым управляет старый волшебник (Д. Казаков «Московская метель» [29]). Так или иначе, пожилые «значимые взрослые» становятся таковыми лишь тогда, когда они существуют в авантюрной реальности, противоположной скучному, обыденному социуму. В их жизнь проникают такие компоненты детского существования, как авантюризм (дедушки и бабушки попадают в подростковые приключения); увлечение игрой, в том числе и компьютерной; принадлежность к секретному сообществу, тайна. Общей метафорой чудесной старости может служить образ деда из повести Л. Романовской «Самая младшая». Дед слеп, но «видит» свою внучку Полину лучше других родственников. Он взаимодействует с реальностью особыми спосо-

бами: не читает книги, а слушает их; умеет мысленно возвращаться в собственное детство; верит в магическую силу обычной вещи. Не случайно для Полины он становится не просто «значимым взрослым», но вымышленным, вечно молодым другом: «Полина берет дедушку за локоть и начинает объяснять. Она так рассказывает, что сразу и к дедушке Толе обращается и к Толику, вперемешку. Ей даже кажется, что они отвечают вдвоем:

– И понимаешь, дедуль... Толик, мне перед тобой неудобно, что я тебя придумала, а в тебя уже не верю, но притворяюсь, что верю. Вот. И я не знаю, куда Толик денется, когда я вырасту. Деда, ты не знаешь, куда герои уходят, когда они не нужны? Я не хочу, чтобы ты ненужным был. Мне тебя жалко [30].

Таким образом, в современной российской литературе для детей наблюдается процесс постепенного разрушения выраженного дидактизма и отказа от авторитарного образа взрослого, происходит его усложнение и обогащение. Во-первых, характерной чертой произведений современной российской детской литературы является отсутствие образа идеального взрослого, который смог бы стать для ребенка посредником при переходе во взрослый, более совершенный мир. Мама и папа уже не являются безоговорочным авторитетом, появляющимся в последний момент для окончательного разрешения детской проблемы. В большинстве рассказов и повестей ребенок-протагонист самодостаточен и автономен – родители ему не нужны, ребенок сам справляется со всеми проблемами и трудностями гораздо лучше них, а нередко и вытаскивает взрослых из ситуаций, из которых те не могут найти выход самостоятельно.

Во-вторых, не наблюдается и четко выраженного разделения на «хороших» и «плохих» взрослых внутри семьи – современная детская проза сохраняет и усиливает эмоциональную связь, которая в качестве основных предполагает отношения любви (пусть даже к самым «непутевым» родителям), привязанности, взаимного восхищения, уважения, совместного действия, события, т.е. речь идет уже не о противопоставлении взрослого и детского миров, но об их взаимодействии и способах сосуществования.

В-третьих, моделируя образ значимого взрослого, авторы предлагают варианты ранних «горизонтальных» (нарушающих поколенческую иерархию) связей между взрослым и ребенком. Взрослый не может заставить ребенка послушаться; позитивный родительский опыт также не имеет значения. В современной художественной интерпретации родители и дети обладают интеллектуальным и этическим паритетом, что препятствует конфликту «отцов» и «детей»: никто больше не может заставить или настоять на правильности своей позиции. Анализ родительских образов в выбранных повестях и рассказах позволяет прийти к выводу, что власть как компонент влияния практически редуцирована (властность сохраняется только в образах антивлиятелей, которые заставляют ребенка измениться, испытывая ненависть к взрослому, от которого он зависит); референтность теряет статус самостоятельности и напрямую зависит от способности взрослого приблизиться к ребенку. При этом взрослый, транслирующий традиционную модель поведе-

ния, почти не имеет шансов стать для ребенка значимым: его поведение теряет для младшего эталонность, присущую референтам, если взрослый безупречен. Если родитель сближается с ребёнком в идее становления (он обладает недостатками, он выглядит юным, он живёт в игровой реальности), его референтность усиливается. Парадоксально, но именно поколенческий сдвиг, инфантилизацию родителя современная российская детская проза представляет ключом к успешной коммуникации.

Литература

1. *Semizu Yu.* Adulthood in children's literature: toward the awareness of adults' presence in children's literature. PhD thesis. University of Nottingham, 2013.
2. *Postman N.* The Disappearance of Childhood. N.Y.: Knopf Doubleday Publishing Group, 1994. 192 p.
3. *Townsend J. R.* The Turbulent Years // Egoff, S., Stubbs, G., Ashley R. and Sutton, W. (eds) Only Connect: Reading on Children's Literature. New York and Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 328–336.
4. *Балина М.* Литературная репрезентация детства в советской и пост-советской России // Детские чтения. 2012. Т. 1, № 1. С. 43–66.
5. *Shavit Z.* Poetics of Children's Literature. Athens & London: The University of Georgia Press, 1986. 193 p.
6. *Gubaidullina A.N., Gorenintseva V.N.* Mother As Donor, Hero or Villain: New Sides of The Mother's Image in Sergey Sedov's "Fairy Tales About Mums" // Children's Literature in Education. 2016. Vol. 48. Issue 3. P. 201–213. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10583-016-9273-7>
7. *Арзамасцева И.Н., Николаева С.А.* Детская литература: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений / науч. ред. И.Н. Арзамасцева, С.А. Николаева. 7-е изд. М.: Академия, 2011. С. 470.
8. *Литовская М.А.* «Время всегда хорошее»: социальная психология для современного подростка // Барковская Н.В., Литовская М.А. Детская литература сегодня: сб. науч. ст. / Урал. гос. пед. ун-т; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2010. 154 с.
9. *Тиновицкая Е.К.* Терапия вместо «морали». Об одной новейшей тенденции в отечественной детской литературе // Вопр. лит. 2007. № 4. С. 157–176.
10. *Дворяшина Н.А.* Феномен детства в творчестве русских символистов: дис. ... д-ра филол. наук. Сургут, 2009. 510 с.
11. *Иванова Н.Б.* Проза Юрия Трифонова. М.: Сов. писатель, 1984. 296 с.
12. *Савина Л.Н.* Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX в. (Л.Н. Толстой «Детство», С.Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука», Н.Г. Гарин-Михайловский «Детство Тёмы»). М.: Перемена, 2002. 282 с.
13. *Шестакова Е.Ю.* Детство в системе русских литературных представлений о человеческой жизни XVIII–XIX столетий: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2007. 24 с.
14. *Ромашова М.В.* Репрезентация советского детства в мемуарной литературе рубежа XX–XXI вв. // Вестн. Перм. гос. ун-та. История. Пермь, 2005. С. 56–65.
15. *Салливан Г.С.* Интерперсональная теория в психиатрии / пер. с англ. СПб.: Ювента, 1999. 347 с.
16. *Петровский А.В.* Трёхфакторная модель значимого другого // Вопр. психологии. 1991. № 1. С. 7–17.
17. *Слободчиков В.И., Шувалов А.В.* Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrportal.ru/article/antropologicheskiiy-podhod-k-resheniyu-problemy-psihologicheskogo-zdorovya-detey> (дата обращения: 18.08.2017).
18. *Книгуру.* Всероссийский конкурс на лучшее литературное произведение для детей и юношества. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://kniguru.info/> (дата обращения: 15.08.2017).
19. *Hunt P.* Children's Literature. Oxford: Blackwell, 2001. 480 p.
20. *Соковенина Е.* Крупная кость, или Моя борьба // Книгуру. Всероссийский конкурс на лучшее литературное произведение для детей и юношества [Электронный ресурс]. URL:

<http://kniguru.info/korotkiy-spisok-pyatogo-sezona/krupnaya-kost-ili-moya-borba> (дата обращения: 17.08.2017).

21. Рик Т. Чур, Володька – мой жених! // Книгуру. Всероссийский конкурс на лучшее литературное произведение для детей и юношества [Электронный ресурс]. URL: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-pyatogo-sezona/chur-volodka-moy-zhenih> (дата обращения: 17.08.2017).

22. Владимирова Е. Я тебя никогда не прощу // Книгуру. Всероссийский конкурс на лучшее литературное произведение для детей и юношества [Электронный ресурс]. URL: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-sedmogo-sezona/ya-tebya-nikogda-ne-proshhu> (дата обращения: 18.08.2017).

23. Понорницкая И. Открытые окна. // Книгуру. Всероссийский конкурс на лучшее литературное произведение для детей и юношества [Электронный ресурс]. URL: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-pyatogo-sezona/otkrytyie-okna> (дата обращения: 18.08.2017).

24. Ляхович А. Черти лысые // Книгуру. Всероссийский конкурс на лучшее литературное произведение для детей и юношества [Электронный ресурс]. URL: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-sedmogo-sezona/cherti-lyisyie> (дата обращения: 15.08.2017).

25. Ая эН. Абсолютно необитаемые // Книгуру. Всероссийский конкурс на лучшее литературное произведение для детей и юношества [Электронный ресурс]. URL: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-sedmogo-sezona/absolyutno-neobitaemye> (дата обращения: 18.08.2017).

26. Романовская Л. Удалить эту запись? // Книгуру. Всероссийский конкурс на лучшее литературное произведение для детей и юношества [Электронный ресурс]. URL: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-sedmogo-sezona/udalit-etu-zapis> (дата обращения: 15.08.2017).

27. Лаврова С. Год свирепого цыплёнка // Книгуру. Всероссийский конкурс на лучшее литературное произведение для детей и юношества [Электронный ресурс]. URL: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-sedmogo-sezona/god-svirepogo-tsuyiplenka> (дата обращения: 18.08.2017).

28. Тобоева М. Тайна лесной поляны // Книгуру. Всероссийский конкурс на лучшее литературное произведение для детей и юношества [Электронный ресурс]. URL: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-sedmogo-sezona/tayna-lesnoy-polyany> (дата обращения: 18.08.2017).

29. Казаков Д. Московская метель // Книгуру. Всероссийский конкурс на лучшее литературное произведение для детей и юношества [Электронный ресурс]. URL: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-pyatogo-sezona/moskovskaya-metel> (дата обращения: 16.08.2017).

30. Романовская Л. Самая младшая // Книгуру. Всероссийский конкурс на лучшее литературное произведение для детей и юношества [Электронный ресурс]. URL: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-shestogo-sezona-2/samaya-mladshaya> (дата обращения: 18.08.2017).

A NEW MODEL OF A “SIGNIFICANT ADULT” IN THE INTRA-FAMILY RELATIONSHIPS (BASED ON MODERN RUSSIAN PROSE FOR CHILDREN AND YOUNG ADULTS)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 50. 176–187. DOI: 10.17223/19986645/50/11

Valentina N. Gorenintseva, Anastasiya N. Gubaidullina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anatol_valya@mail.ru / gubgub@ngs.ru

Keywords: significant adult, significant other, literature for young adults, contemporary prose, image of father, image of mother, intra-family relationships.

This paper focuses on the interpretation of the image of a “significant adult” in modern Russian prose for children and young adults aimed at expanding the artistic concept of childhood in Russian literature, the universal features of which are manifested in texts for both children and adults. The research is based on modern prose texts short-listed in 2014-2016 for the “Kniguru” Literary Award, one of the most reputable Russian contests held to encourage children’s writers who describe modern life and in their works look for positive solutions to psychological, moral, and social issues. This interdisciplinary research employs the comparative and sociological analysis, drawing on A.V. Petrovsky’s concept of a three-factor model of a “significant other” that includes referentiality (recognition of the significant other’s right to make responsible decisions), attractions (emotional attitudes toward a sig-

nificant other, strong feelings of sympathy or antipathy for another) and power. The authors argue that the models of adult-child relationships traditional for children's literature (like European "novel of formation", "happy childhood", "stolen childhood") with authoritative adults being on the periphery of the narrative and appearing at a critical moment as "deus ex machine" are no longer relevant. Children and adults change their places within the family and social hierarchy, so adults become dependent on children. With dependent parents, grandparent can take on a constitutive role in the narrative, but only when they combine life experience with youth nonconformism and enthusiasm, thus becoming "infantilised" as well. The less conservative the older generation is, the more likely they become significant for their children. The analysis of the adult-child relationship patterns featured by modern Russian children's fiction demonstrates the loss of a priori recognition of the parent's authority. The power as a component of influence is practically reduced. However, losing one of the three factors of Petrovsky's significant other model – power – the adult enhances the other two: attraction and referentiality (ability to be the role model). Referentiality, in its turn, ceases to be independent to directly depend on the adult's ability to become closer to the child. Thus, modern young adult fiction reveals the absence of an "ideal adult" and the unique autonomy of the child protagonist, which reflects a fundamentally new model of child-parent relationship in modern literature for children and young adults.

References

1. Semizu, Yu. (2013) *Adulthood in children's literature: toward the awareness of adults' presence in children's literature*. PhD thesis. University of Nottingham.
2. Postman, N. (1994) *The Disappearance of Childhood*. N.Y.: Knopf Doubleday Publishing Group.
3. Townsend, J.R. (1996) *The Turbulent Years*. In: Egoff, S., Stubbs, G., Ashley R. & Sutton, W. (eds) *Only Connect: Reading on Children's Literature*. New York and Oxford: Oxford University Press.
4. Balina, M. (2012) *Literaturnaya reprezentatsiya detstva v sovetskoj i post-sovetskoj Rossii* [Literary Representation of Childhood in Soviet and Post-Soviet Russia]. *Detskie chteniya*. 1:1. pp. 43–66.
5. Shavit, Z. (1986) *Poetics of Children's Literature*. Athens & London: The University of Georgia Press.
6. Gubaidullina, A.N. & Gorenintseva, V.N. (2016) Mother As Donor, Hero or Villain: New Sides of The Mother's Image in Sergey Sedov's "Fairy Tales About Mums". *Children's Literature in Education*. 48:3. pp 201–213. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10583-016-9273-7>
7. Arzamastseva, I.N. & Nikolaeva, S.A. (eds) (2011) *Detskaya literatura* [Children's Literature]. 7th ed. Moscow: Akademiya.
8. Litovskaya, M.A. (2010) "Vremya vseгда khoroshee": sotsial'naya psikhologiya dlya sovremennogo podrostka ["Time Is Always Good": Social Psychology for a Modern Adolescent]. In: Barkovskaya, N.V. & Litovskaya, M.A. *Detskaya literatura segodnya* [Children's literature today]. Ekaterinburg: UrSPU.
9. Tinovitskaya, E.K. (2007) *Terapiya vmesto "morali"*. Ob odnoy noveyshey tendentsii v otechestvennoy detskoj literature [Therapy instead of "morality." About one newest tendency in the domestic children's literature]. *Voprosy literatury*. 4. pp. 157–176.
10. Dvoryashina, N.A. (2009) *Fenomen detstva v tvorchestve russkikh simvolistov* [The phenomenon of childhood in the works of Russian Symbolists]. Philology Dr. Diss. Surgut.
11. Ivanova, N.B. (1984) *Proza Yuriya Trifonova* [Prose by Yuri Trifonov]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
12. Savina, L.N. (2002) *Problematika i poetika avtobiograficheskikh povestey o detstve vtoroy poloviny XIX v. (L.N. Tolstoy "Detstvo", S.T. Aksakov "Detskie gody Bagrova-vnuka", N.G. Garin-Mikhailovskiy "Detstvo Temy")* [Problems and poetics of autobiographical novels about childhood of the second half of the 19th century. (LN Tolstoy's "Childhood", S.T. Aksakov's "The Childhood of Bagrov the Grandson", N.G. Garin-Mikhailovsky's "The Childhood of Tyoma")]. Moscow: Peremena.
13. Shestakova, E.Yu. (2007) *Detstvo v sisteme russkikh literaturnykh predstavleniy o chelovecheskoj zhizni XVIII-XIX stoletiy* [Childhood in the system of Russian literary concepts of human life of the 18th–19th centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Arkhangelsk.
14. Romashova, M.V. (2005) *Reprezentatsiya sovetskogo detstva v memuarnoy literature rubezha XX–XXI vv.* [Representation of the Soviet childhood in the memoir literature of the turn of the 21st century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya – Perm University Herald. History*. 5. pp. 56–65.

15. Sullivan, H.S. (1999) *Interpersonal'naya teoriya v psikhiiatrii* [The Interpersonal Theory of Psychiatry]. Translated from English by O. Isakova. St. Petersburg: Yuventa.
16. Petrovskiy, A.V. (1991) Trekhfaktornaya model' znachimogo drugogo [Three-factor model of a significant other]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 7–17.
17. Slobodchikov, V.I. & Shuvalov, A.V. (n.d.) *Antropologicheskiy podkhod k resheniyu problemy psikhologicheskogo zdorov'ya detey* [An anthropological approach to the solution of the problem of psychological health of children]. [Online] Available from: <http://www.hr-portal.ru/article/antropologicheskiy-podhod-k-resheniyu-problemy-psihologicheskogo-zdorovya-detey>. (Accessed: 18.08.2017)
18. Kniguru.info. (c. 2017) *Kniguru. Vserossiyskiy konkurs na luchshee literaturnoe proizvedenie dlya detey i yunoststva. Ofitsial'nyy sayt* [Kniguru. All-Russia competition for the best literary work for children and youth. Official website]. [Elektronnyy resurs]. [Online] Available from: <http://kniguru.info/>. (Accessed: 15.08.2017).
19. Hunt, P. (2001) *Children's Literature*. Oxford: Blackwell.
20. Sokovenina, E. (n.d.) *Krupnaya kost', ili Moya bor'ba* [A large bone, or My struggle]. [Online] Available from: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-pyatogo-sezona/krupnaya-kost-ili-moya-borba>. (Accessed: 17.08.2017).
21. Rik, T. (n.d.) *Chur, Volod'ka – moy zhenikh!* [Bagsy me, Volodka is my fiance!]. [Online] Available from: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-pyatogo-sezona/chur-volodka-moy-zhenih>. (Accessed: 17.08.2017).
22. Vladimirova, E. (n.d.) *Ya tebya nikogda ne proshchu* [I'll never forgive you]. [Online] Available from: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-sedmogo-sezona/ya-tebya-nikogda-ne-proshhu>. (Accessed: 18.08.2017).
23. Ponomorskaya, I. (n.d.) *Otkrytye okna* [Open windows]. [Online] Available from: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-pyatogo-sezona/otkrytye-okna>. (Accessed: 18.08.2017).
24. Lyakhovich, A. (n.d.) *Cherti lysye* [Bald devils]. [Online] Available from: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-sedmogo-sezona/cherti-lyisyie>. (Accessed: 15.08.2017).
25. Aya, eN. (n.d.) *Absolyutno neobitaemye* [Absolutely uninhabited]. [Online] Available from: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-sedmogo-sezona/absolyutno-neobitaemye>. (Accessed: 18.08.2017).
26. Romanovskaya, L. (n.d.) *Udalit' etu zapis'?* [Should I delete this note?]. [Online] Available from: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-sedmogo-sezona/udalit-etu-zapis>. (Accessed: 15.08.2017).
27. Lavrova, S. (n.d.) *God svirepogo tsyplenka* [Year of the fierce chicken]. [Online] Available from: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-sedmogo-sezona/god-svirepogo-tsyiplenka>. (Accessed: 18.08.2017).
28. Toboeva, M. (n.d.) *Tayna lesnoy polyany* [The Mystery of the Forest Field]. [Online] Available from: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-sedmogo-sezona/tayna-lesnoy-polyanyi>. (Accessed: 18.08.2017).
29. Kazakov, D. (n.d.) *Moskovskaya metel'* [Moscow Blizzard]. [Online] Available from: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-pyatogo-sezona/moskovskaya-metel>. (Accessed: 16.08.2017).
30. Romanovskaya, L. (n.d.) *Samaya mladshaya* [The youngest]. [Online] Available from: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-shestogo-sezona-2/samaya-mladshaya>. (Accessed: 18.08.2017).